

ХРАНИТСЯ В ЛИЧНОМ АРХИВЕ

«Кто из современных слушателей знает сейчас о том, ЧТО И КАК испытывал Рахманинов в дни грандиозной своей славы, огромных своих триумфов, небывалого народного признания?», — пишет М. Шагинян в мемуарах «Человек и Время». — Слава была — исполнительская. Триумфы были — эстрадные. Пианист — великий, дирижер — изумительный, с этим соглашались все. Но дальше следовало о композиторе... Если б успышали или прочитали сейчас, как оскорбительно унижалось собственное творческое начало в Рахманинове!.. Страшные слова «элигон», «эклетик» — слова выпадения из развития музыки... — бросались так легко и бездумно в огромный творческий мир рахманиновских произведений... А в десятые годы нового, XX века Рахманинова, зрелого творца, зачеркивали как композитора целином».

Мариэтта Сергеевна Шагинян глубоко понимала и любила музыку Рахманинова. Остро реагировала на несправедливые нападки критики. В феврале 1912 года она написала Сергею Васильевичу, «вложив в письмо всю нежность и веру в него». Письмо было подписано нотой Re. Рахманинов откликнулся, завязалась переписка, а в декабре 1912 года состоялось знакомство. «Письма перешли в личные встречи... — вспоминает Шагинян, — естест-

венное и простое переключение «устного творчества» моих огромных посланий в действительное творчество вслух наших больших бесед, большой... духовно-душевной близости».

В то же время Шагинян выступила в печати со статьей о Рахманинове. «Поддержка Рахманинова — рыцарский акт... Статья Шагинян — превосходна», — писал поэт Эллис в письме к музыковеду Э. К. Метнеру.

С. В. Рахманинов дорожил этой дружбой, отвечал М. С. Шагинян очень теплыми, благодарными письмами: «Кроме своих лет, музыки и цветов, я люблю еще Вас, милая Re, и Ваши письма. Вас я люблю за то, что Вы умная, интересная и не крайняя (одно из необходимых условий, чтоб мне «понравиться!»), а Ваши письма за то, что в них везде и всюду я нахожу к себе веру; надежду и любовь; тот бальзам, которым лечу свои раны. Хотя и с некоторой пока робостью и неуверенностью, но Вы меня удивительно метко описываете и хорошо знаете. Откуда? Не устаю поражаться. Отныне, говоря о себе, могу смело ссылаться на Вас и делать выписки из Ваших писем; авторитетность Ваша тут вне сомнений».

Судьба писем М. Шагинян к Рахманинову не известна. Во всяком случае, до настоящего времени в архиве М. Шагинян удалось обнаружить единственное неотправленное письмо к композитору, которое было опубликовано в 1983 году. Но оказалось, что существует еще одно письмо Шагинян к Рахманинову, написанное через пять лет после их последней встречи. Оно хранится у потомков композитора, а его копию привезла из Америки известный советский музыковед Э. А. Апетян.

Сегодня «Литературная Россия» публикует это письмо с сокращениями.

Мариэтта ШАГИНЯН

«Можете ли Вы без России?»

Дорогой Сергей Васильевич... Я только на днях, случайно, узнала Ваш адрес <...>

Сначала о себе: последние годы я провела на юге России (вплоть до декабря 21 года), в полосе непрерывных гражданских войн. Осталось в памяти только одно: подвалы, где отсиживались... Когда же выползли из подвалов, наступала эпоха подсчета живых. Наша семья (в целом) потеряла зарубленными, застреленными, расстрелянными, ранеными осколком гранаты, исчезнувшими — 17 душ (из 32-х); и так почти в каждой семье. Когда, наконец, все кончилось и началась советизация Дона, я проработала полтора года как... организатор ткацкого дела на Дону. Это была эпоха моего идеализма; пламенно верила во все происходящее, резко разошлась со всеми моими друзьями (и с Метнером¹ даже), бросила литературу, профессию (3 года читала в Донской Консерватории Эстетику и Историю Искусств), даже дочку свою крохотную по неделям не видела — и ушла буквально в народ; ездила из станицы в станицу, учила казачек прясть, ткать, ставила конопляное и льняное дело, устраивала курсы по овцеводству и шерстеведению. Все это было похоже на роман и описано мною в романтической книге (если она дойдет до Вас, Вы поймете... необыкновенное перерождение человека, верившего в возможность что-то воистину сделать). Ткачество, случайно ставшее моим делом, я узнала шутя, давным-давно, поступив летом на курорте в маленькую школу и в шутку окончив ее «квалифицированной пряхой». Когда донская интеллигенция, по примеру великорусской, стала «саботировать», мы, немногие, пошли делать дело. Вот и пригласило мое ткачество. Ночами я сидела над книгами и изучала теорию предмета, а днем действовала. В результате: в Ростове сейчас блестяще работает 1-я Донская Прядильно-Ткацкая Школа, посылающая каждые 4 месяца инструкторов в станицы. Казачки, никогда не умевшие прясть, теперь прядут и ткут не хуже русских крестьянок. Армянские села колонии стали обрабатывать коноплю и сеять лен (впервые) и ежили все это кажется Вам невероятным, то я хотела бы показать Вам собственный свой портрет, висящий в школе.

Должна сказать, что сейчас, спустя два года, и мне все это кажется сказкой. Но самое удивительное это то, что я в период своего «ткачества» стала слышать, а сейчас, воротаясь к ли-

М. С. ШАГИНЯН.

тературе, опять утратила нормальный слух. Имейте еще в виду, что в пору, когда мне пришлось работать, передо мной была совершенно разоренная и одичавшая страна, где все приходилось начинать сначала. <...> Помощи сверху я не имела... Для своей среды я была «большевишкой», для большевиков «христианкой»... Меня все же спасло «вдохновение»: захотела сделать и сделала. Пишу обо всем этом так хвастливо, потому что — когда исполняешь не свою работу, то гордишься уже как-то не собою, а результатами, словно они не твоих рук дело. И у меня нет чувства, будто эти полтора года действовала я сама: кажется, будто выполнила гипнотически чужое внушение, как одержимая. Таких «маньяков» в эту пору в России было немало, и, уверяю Вас, каждый создал крупную реальную культуру.

Потом, опять внезапно, мне опротивело продолжать уже сделанное. Насадилась всюду опытных людей и вернулась к перу... Мне же надо было кормить ребенка, маму и сестру, а мужу моему семью в 8 душ. Уселась мы с ним на пепелище (разоренный, разграбленный, засиженный постояльцами... дом), обсудили будущее и решили идти в поисках хлеба: ему с семьей в Армению, мне с семьей на север. Он нашел работу у себя на родине, а я в своей среде и у себя. Теперь мы на положении гейновской сосны и пальмы, и когда еще судьба поможет нам встретиться, не знаю. Сейчас я в Петербурге, работаю в Зубовском Институте Истории Искусств (читаю новый курс «Историю и теорию музыкального текста»), пишу, издаю ряд новых книг. Вы получите их все, причём моя диссертационная работа «Границы поэзии и музыки» будет опять посвящена Вам, в память той, благодатной для меня нежности, с какою я для Вас думала о тексте и которая впервые натолкнула меня на проблему соотношения звука и слова. Сейчас — это моя новая наука!

С. В. РАХМАНИНОВ.

Петербург — совершенно своеобразный город, это город погорельцев, переживших нечеловеческие тяготы; людей тут немного, и они закапались. Интеллигенция сплочена... крайние течения в искусстве пошли на убыль. В литературе тяга к реализму; к нему же (по-новому) приходят кубисты, футуристы etc. В музыке застой. Но, слава богу, сознание прояснилось, и модернистов не ахти как жалуют. Скрябин стал «в ряду других», особенным вниманием он не пользуется. Консерваторские выпуски тоже перестали заболеть скрябинизмом. Исполнитель у нас нет. У нас есть только скверные фортепьянщики; это такая порода людей, которая умеет бить по клавишам и время от времени совершает это публично. А так как у нас нет ни зоологического сада, ни скатинринга и куда-нибудь ходить нужно, то публика ходит на фортепьянщиков. Сравнить их не с кем. Поэтому некоторые из них уже начинают считать и называть себя несравненными. Но зато у нас хороший театр и хороший квартет. Шалапин к нам возвращается. Глазунов вероятно тоже вернется; он написал недавно превосходный квартет (немного театральный, но с глубиной и блеском; пожалуй, лучшее из всего глазуновского). Я слышала его по рукописи.

Не забывает Петербург и Вас. В прошлом году поставили «Алеко» с Шалапиным. Было хорошо и как-то особенно остро, по-русски, продуманно и приближено к современному. Шалапин в «Алеко» сделал чудеса. Недавно исполнили Всеночную и 3-й концерт (ах, дрянной исполнитель! Но все-таки хорошо было слушать). И наконец возобновили «Скупого рыцаря». Если Вы хоть изредка получаете и читаете в Нью-Йорке нашу газету «Жизнь Искусства», Вы вероятно знаете, как расхвалили Вас за «Скупого рыцаря» (назвали просто гениальным и конгениальным Пушкину). Думаю, что если Вы возвратитесь, Вы уже не

найдете прежней музыкальной критики. Новая воюет с бесформенностью и чтит музыкальную форму. Вы — в ряду признанных, увенчанных и чтимых. Рахманинова-исполнителя нет для сравнения. И Рахманинов-композитор поменьше завоевывает критиков.

Милый мой, я подхожу к самой важной части письма, но печка потухла (у нас железные пачки по имени «буржуйки» и топим мы их газетами довоенного времени, в частности «Правительственным вестником»), и руки замерзают. Детка моя уже спит (ей 3½ года, она премилая и зовут ее Мирэль). В комнате этак 4 градуса тепла. А потому не суйте, если дальше пойдет не совсем так, как я хотела бы написать.

Вот главное: Вы, говорят, теперь кумир Америки. Но пишете ли Вы? Довольны ли собой? Не загнуло ли постоянное удовлетворение от внешних триумфов Ваше святое внутреннее неудовлетворение самим собой? Можете ли Вы без России? Я хочу сказать, Ваш творческий потенциал может ли творить на чужбине? И если да, то как и о чем, и над чем? Я дала бы многое, чтобы взглянуть Вам через плечо и увидеть, чем Вы сейчас заняты. У меня за рубежом никого нет (близкого) и о Вас я могу узнавать только от чужих и только внешне. С Метнерами было виделась в прошлом году. Они как-то отделились от меня. (Я вообще одинока, мое отношение к миру и событиям слишком не похоже на всеобщее; и друзья отошли от меня, да и я от них). Коля² на мой взгляд демонически вырос, слышала его только раз, в концерте, но почувствовалось мне как будто некоторое устремление к блеску и виртуозности во вред прежней суровой глубине и интимности. Пусть это будет между нами, я даже самой себе признаюсь в этом впечатлении со страхом и надеждой, что оно ложно. Метнеру должно быть уже за границей и списались с Вами.

Кончаю письмо. Боб³ и Тасинька⁴, верно, уже невесты... А как Наталья Александровна⁵? И с Вами ли Софья Александровна? Напишите мне обо всем и главное — о себе и своей работе. Сейчас, озираясь вокруг и на свое прошлое, я могу сказать, как говорят люди, уже перевалив за полжизни, что Вы были и остались моей самой чистой, самой нежной и самой светлой привязанностью. С почти старушечей (наши, русские, годы были десятилетиями и мы очень, очень все постарели!) лаской и любовью шлю Вам мою неизменную память и преданность. Буду ждать письма (вложите в него фотографическую карточку Вас теперешнего и Ваших близких. Я тоже сниму и пошлю Мирэль).

Ваша Re
Петербург, Мойка, 59. «Дом Искусств», комната номер 18.
Мариэтте Сергеевне Шагинян.

19 февраля 1922 г.

Публикация
Елены ШАГИНЯН

¹ Н. К. Метнер.

² Ирина и Татьяна — дочери С. В. Рахманинова.

³ Сатина Наталья Александровна — жена композитора.

⁴ Метнер Николай Карлович (1879—1951) — композитор, пианист, профессор Московской консерватории.